

Глава 17. Деревенские пустыки. Прошлое семьи Шэнь

—

В глазах Линь Юэ промелькнуло понимание: похоже, отношения с родственниками у этой семьи и впрямь были не из лучших — дедушка с бабушкой жили с семьей старшего дяди, но домочадцы Шэнь, говоря о них, упоминали только бабушку, и было неясно, в чем причина.

Перед завтраком Линь Юэ вдруг кое о чем вспомнил и спросил:

— Матушка, мы сначала поедим или сначала поднесем чай?

Сун Сюньчунь и Шэнь Чжэнчу переглянулись — очевидно, оба совершенно забыли о ритуале поднесения чая.

Но признаются ли они в этом? Разумеется, нет. Они ведь старшие, и им нужно хоть немного поддерживать авторитет главы семьи. Сун Сюньчунь привычно улыбнулась:

— В нашей семье нет столько церемоний, давай прямо сейчас. Поднесем чай и как раз позавтракаем. Хуайчжи, иди налей чай.

Шэнь Хуайчжи, только что вымывший руки и вошедший со двора, тут же был отправлен матерью на дело. Он послушно пошел к плите наливать чай. Вода только что закипела, и Шэнь Хуайчжи налил лишь полчашки, чтобы Линь Юэ не обжег руки, когда будет их держать.

Линь Юэ тоже поднялся, принял чай из рук Шэнь Хуайчжи и, поклонившись, подал его Сун Сюньчунь:

— Матушка, пожалуйста, выпейте чаю.

Закончив фразу, Линь Юэ на мгновение запнулся, так как Сун Сюньчунь уже приняла чашку.

— Хорошо, хорошо, теперь мы одна семья, — Сун Сюньчунь достала из-за пазухи сверток из красной бумаги и протянула ему. Это были деньги в знак признания нового родства.

Разумеется, пока она велела Шэнь Хуайчжи наливать чай, она попутно отправила Шэнь Чжэнчу за этим свертком.

Вчера они помнили об этом и специально положили подарок у изголовья кровати, но сегодня утром один ушел в поле, а другая занялась завтраком, и оба забыли прихватить красный конверт с собой.

Линь Юэ, конечно, это заметил, но проявил проницательность и сделал вид, что ничего не видел. Почтив Сун Сюньчунь, он принял вторую чашку из рук Шэнь Хуайчжи:

— Отец, пожалуйста, выпейте чаю.

Шэнь Чжэнчу на самом деле был общительным человеком, но перед Линь Юэ тоже немного нервничал, не зная характера своей невестки, поэтому говорил мало:

— Живите дружно, нам с матерью в радость на вас смотреть, а остальное — мелочи.

Линь Юэ послушно улыбался; с его миндалевидными глазами он выглядел очень бесхитростным.

Сидевшие напротив Шэнь Чжэнчу и Сун Сюньчунь, глядя на него, даже немного заволновались: видимо, позже придется присматривать за ним получше, чтобы он не расстраивался, если услышит какие-нибудь неприятные слова.

Впервые обедая за одним столом, все пятеро вели себя скованно и ели в разы изящнее, чем обычно. К счастью, трапеза прошла спокойно.

Сун Сюньчунь первая поднялась прибрать посуду и рукой остановила Линь Юэ, который хотел помочь:

— Пусть Хуайчжи покажет тебе наш дом и ваши комнаты. Если нужно будет что-то прикупить, просто скажи мне.

Линь Юэ немного посомневался, но в итоге послушно вышел вслед за Шэнь Хуайчжи.

Вернувшись в комнату, Шэнь Хуайчжи выдвинул ящик туалетного столика, достал оттуда кошелек и протянул Линь Юэ:

— Это мои прежние сбережения, возьми на хранение.

Линь Юэ принял его и мимоходом заглянул внутрь. Первым делом он увидел несколько медных монет, но не успел рассмотреть остальное, как услышал смущенный голос Шэнь Хуайчжи:

— Там всего лишь чуть больше трех лян серебра. Деньги, заработанные в прошлые два года, отдавал на хранение матери, оставлял себе только на бумагу, кисти и тушь. Перед свадьбой мать хотела вернуть их мне, но ведь все расходы на устройство свадьбы несла она, мне было неловко брать еще.

Шэнь Хуайчжи понимал, что такую сумму стыдно и показывать, поэтому говорил неуверенно, а видя, что Линь Юэ молчит, заволновался еще сильнее:

— Ты не беспокойся, я подрабатываю перепиской книг и написанием писем, со временем заработаю еще и всё буду отдавать тебе, я...

Видя, как он засуетился, Линь Юэ поспешил перебить его:

— Я не считаю, что это мало, и верю, что ты сможешь заработать, правда.

Шэнь Хуайчжи стало еще более совестно; он мысленно прикидывал, как заработать больше денег, чтобы Линь Юэ не пришлось постоянно беспокоиться о расходах, но на словах больше ничего не обещал. Пустые обещания ничего не стоят — эту истину он усвоил еще в десять лет.

Линь Юэ убрал полученный от Шэнь Хуайчжи кошелек и достал тот, что вышил сам:

— Ты подарил мне подарок раньше, и я всё хотел сделать ответный жест, но время было неподходящее, вот и затянулось до сего дня. Это кошелек, который я вышил сам.

Шэнь Хуайчжи был польщен. Приняв кошелек, он тут же спрятал его за пазуху:

— Я буду беречь его, мне очень нравится, я очень рад.

Видя, что тот даже толком не рассмотрел подарок, Линь Юэ сильно усомнился в искренности его слов, но не стал выдавать свои опасения. Лучше пусть Шэнь Хуайчжи не заметит мест, где вышивка не удалась.

Линь Юэ и Шэнь Хуайчжи недолго пробыли в комнате. Кратко ознакомившись с обстановкой и убрав свадебные дары и приданое с пола на подходящие места, они вышли.

Во дворе никого не было, и Линь Юэ пошел за Шэнь Хуайчжи осматривать место, где ему предстояло жить.

Дом состоял из трех основных комнат, точь-в-точь как у него дома. Крыша была из черепицы вперемешку с соломой. Посередине — главная комната, с одной стороны, рядом с кухней — спальня родителей Шэнь. Другая сторона была разделена на две комнаты, где раньше жили Шэнь Хуайчжи и Шэнь Линчжи. Позже напротив кухни пристроили еще одну комнату; окна в ней сделали специально большими для лучшего освещения. Там хранили зерно и разные вещи, и там же Шэнь Хуайчжи обычно читал и писал. Когда дело дошло до женитьбы, он переехал туда, а вещи перенесли в его прежнюю комнату.

Позади кухни проходила главная деревенская дорога. Перед двором была тропинка, а за ней — рисовые поля. Участок поля прямо напротив дома Шэнь как раз принадлежал их семье, что было очень удобно.

За спальней Линь Юэ и Шэнь Хуайчжи располагался огород семьи Шэнь. Рядом с огородом были хлев для свиней и места для кур и уток. Еще дальше протекала небольшая речка, к которой вели каменные ступени. Под ступенями лежал большой плоский продолговатый камень, поэтому это место было одним из самых любимых у деревенских жителей для стирки белья.

Осмотрев всё, Линь Юэ остался доволен. Хотя двор был не таким просторным, как у него дома, здесь всё располагалось удобнее.

Сун Сюньчунь, увидев из кухни, что они закончили осмотр, позвала их:

— Закончили? Нам пора идти, а то задержимся и наступит время обеда.

Линь Юэ хотел было подождать, пока ответит Шэнь Хуайчжи, но тот лишь смотрел на него и явно не собирался открывать рот, поэтому Линь Юэ ответил сам:

— Матушка, мы закончили, уже идем.

На столе в кухне лежало несколько свертков — должно быть, подарки для бабушки Шэнь. Линь Юэ мельком глянул на них и встал рядом с Шэнь Линчжи. Тот так заметно махал ему рукой, подзывая к себе, что сделать вид, будто не заметил, было невозможно. К тому же с Шэнь Линчжи он чувствовал себя свободнее.

Сун Сюньчунь не заметила их переглядываний и наставляла Линь Юэ:

— Позже держись вместе с Линчжи, не обращай внимания на то, что они будут говорить. Бабушка Хуайчжи — человек добрый, ты ей точно понравишься, так что не бойся.

Линь Юэ послушно кивнул:

— Матушка, я понял, не беспокойтесь.

Время поджимало, и, заперев ворота, все вышли со двора.

Шэнь Линчжи специально оттянул Линь Юэ назад, чтобы идти последними, и зашептал ему на

ухо:

— Брат, я тебе скажу: мой дедушка очень злой, можешь потом не обращать на него внимания.

Линь Юэ подхватил разговор:

— Что же он сделал? Будет ли прилично его игнорировать?

Шэнь Линчжи затряс головой и принялся рассказывать о делах давно минувших дней.

Когда они были маленькими, семья еще не была разделена, все жили вместе, и жизнь была тяжелой. Только когда его брату Шэнь Хуайчжи исполнилось семь-восемь лет, стало чуть легче. Самому Линчжи тогда не было и трех лет, он еще ничего не помнил, всё это позже рассказала ему мать.

В тот год родители планировали отправить брата учиться, когда ему исполнится десять. Дедушка на словах согласился. Но когда Шэнь Хуайчжи исполнилось десять, дед заявил, что двоюродный брат (сын старшего дяди) на год старше, и сначала учиться должен пойти он, а Хуайчжи пусть подождет еще год.

Родители были против. По дому и в поле они работали больше всех, а в свободное от сельских работ время еще ходили на подработки. Старший же дядя никогда этого не делал. К тому же раньше никто не говорил, что двоюродный брат тоже собирается учиться. Родители поссорились с дедом, но ничего не добились, потому что все заработанные деньги они отдавали деду, а тех крох, что оставались на руках, на учебу не хватало.

После этого родители наотрез отказались отдавать деньги. Дед стал смотреть на него и брата еще более неприязненно, ругань и побои стали обычным делом.

В голосе Шэнь Линчжи всё еще слышался гнев:

— Он очень плохой. Когда родителей не было дома (уходили на работу в город), он заставлял нас с братом работать в поле. Они съедали всё еще до нашего возвращения, да еще ругали нас, что мы ленимся. Только бабушка тайком оставляла нам еду и грела её.

— А еще он жутко предвзятый. Я несколько раз слышал, как он говорил, что старший дядя — опора дома, а двоюродный брат — старший внук, и именно ему положено учиться, чтобы прославить род. А про моего брата он говорил, что тот совсем не похож на книжника, и тратить на него деньги — пустая трата.

Линь Юэ очень удивился:

— Почему? Твой брат ведь теперь туншэн, он наверняка очень способный в учебе.

Шэнь Линчжи скривил губы:

— Дедушка говорил, что двоюродный брат с детства был беленьким и слабеньким — сразу видно, ученый человек. Не то что мой брат: в десять лет уже был высоким и крепким, почти как взрослый, такому только в поле пахать.

Линь Юэ был в недоумении. Если дед мог определить способности к наукам еще до того, как ребенок пошел в школу, то ему не землю пахать надо было, а судьбу предсказывать.

Шэнь Линчжи продолжал:

— Прошел еще год, родители скопили денег на обучение брата, и мы с ним думали, что теперь-то он пойдет учиться. Но всё равно не вышло.

Тут его голос стал громче:

— Знаешь почему? Потому что дед решил, что частная школа в соседней деревне недостаточно хороша, и захотел отправить двоюродного брата в школу в городке. Но так как родители не отдавали ему свои заработки, а свои деньги он тратить не хотел, он всеми силами пытался вытрясти деньги из моих отца и матери. Угрожал пойти к старосте и обвинить их в непочтении к родителям, а еще грозился отдать меня в чужую семью ребенком-невестой, чтобы выручить деньги. А мне тогда было всего шесть лет.

Шестилетний Шэнь Линчжи уже всё помнил. Он отчетливо помнил, как бабушка с плачем и криками пыталась помешать, ругая деда за то, что ему мало было погубить своего гера, теперь он хочет погубить и сына, и внука. Дед едва не проломил ей голову своим посохом, но удар в итоге пришелся по отцу.

Линь Юэ слушал в оцепенении. Он никогда не встречал настолько предвзятого человека.

— Гера? У тебя есть еще маленький дядя?

Гнев на лице Шэнь Линчжи стал еще сильнее, но в голосе зазвучала печаль:

— Да. Моего дядю зовут Шэнь Юньчу, он всегда был очень хорошим. Но когда мне было пять лет, дедушка всего за двенадцать лян серебра выдал его замуж за хромого. Приданое было до того скудным, что смотреть больно. Бабушка не смогла помешать, сильно заболела и чуть не умерла. А старший дядя всегда во всем слушался деда, он не только не помог, но еще и ругал маленького дядю, называя неблагодарным.

— Тогда мой брат вместе с отцом и матерью ходил к старейшинам рода Шэнь, но большинство не захотели вмешиваться, потому что маленький дядя был всего лишь гером, а дед уже давно принял свадебные дары. Только двоюродный дедушка пришел однажды, но и это не помогло. Маленького дядю всё равно выдали замуж, и с тех пор он ни разу не возвращался. Родители чувствуют вину перед ним и даже не смеют его искать.

За тот год с небольшим сначала Шэнь Хуайчжи помешали, отложив его учебу на год, затем Шэнь Юньчу поспешно выдали замуж, а в конце и вовсе передумали давать Шэнь Хуайчжи учиться — вина перед младшим братом и сыном едва не раздавила Шэнь Чжэнчу.

Голос Шэнь Линчжи внезапно стал тише, он украдкой взглянул на отца и продолжил:

— В тот год я видел, как папа плакал много раз. В конце концов папа не выдержал и обсудил с мамой раздел имущества, но дедушка не соглашался. Так продолжалось до тех пор, пока папа не поднял шум. Дедушка посчитал, что мы заставили его потерять лицо, и согласился на раздел только при условии, что папа с мамой отдадут все деньги.

— В тот раз пришли старейшины клана Шэнь и сельский староста. Под их присмотром дедушка нехотя выделил нам несколько му бесплодных полей и ветхий старый дом, после чего мы окончательно разделились. Сейчас, если бы не бабушка, мы бы, возможно, совсем не общались, так что, брат, не обращай на него внимания, он и сейчас может начать нас ругать.

Шаги Линь Юэ стали тяжелыми:

— Я понял, тогда я буду вместе с тобой.

На самом деле Линь Юэ хотел спросить, может ли он выругаться в ответ, если не сдержится, но ругать старших на второй день после свадьбы звучало слишком неподобающе, поэтому он не смог заставить себя спросить об этом.

—

<http://bllate.org/book/17206/1612962>